

Стоять посреди улицы было не лучшей идеей для серьезного разговора. Драконы предложили Жун Чэньцзюню переместиться в их родовые владения — Долину Драконов, чтобы обсудить дела в спокойной обстановке.

Жун Чэньцзюнь взглянул на часы. Стрелки едва перешагнули за одиннадцать — времени в запасе оставалось предостаточно. Он охотно согласился. Хотя его агентство «Чэньсин» быстро набирало обороты, ему было далеко до такого колосса, как группа «Жунгуан». В подобном союзе выгода Жун Чэньцзюня была очевидной.

Мир Гор и Морей простирался на необозримые дали. Привычки и повадки у божественных зверей разнились, поэтому селились они порознь, каждый в своем уединенном уголке.

Подобно кольцам древесной сердцевины, скрытое измерение таило в себе множество обособленных миров. И Цинцю, обитель девятихвостых лисиц, и Долина Драконов представляли собой замкнутые пространства внутри огромного Мира Гор и Морей.

Цзю Цзинь безмолвно шел следом. Он то и дело порывался вставить слово, но нужные фразы никак не шли на ум. Старейшина от природы не отличался красноречием. Наедине с сыном он еще мог бы выдавить из себя пару фраз, но сейчас, когда рядом соловьем заливался словоохотливый Ао Жуй, а Ао Лин увлеченно обсуждал с Жун Чэньцзюнем деловые вопросы, лис чувствовал себя совершенно лишним.

Весть о том, что Жун Чэньцзюнь согласился отправиться в Долину Драконов, уколола его гордость. Сын еще ни разу не бывал на родной земле Цинцю, а уже спешит в гости к чешуйчатым!

Сказать прямо: «Чэньцзюнь, не ходи к ним, давай лучше вернемся в Цинцю», Цзю Цзинь не отваживался — боялся вызвать у сына раздражение.

Никто из присутствующих не обратил внимания на его безмолвную досаду. Лишь крошечный Даньдани, которому было откровенно скучно, заметил неладное. Малыш знал, что этот молчаливый мужчина — отец Жун Чэньцзюня, а потому исподтишка наблюдал за ним.

Он осторожно подобрался к уху Жун Чэньцзюня и зашептал — как ему казалось, очень тихо:

— Жун-жун, а господин Цзю, кажется, расстроился.

Жун Чэньцзюнь взглянул на отца. Тот и впрямь поджал губы, пряча за маской равнодушия глубокую тоску.

Впрочем, «секрет» Даньдани услышал не только его покровитель. Божественные звери обладали феноменальным слухом, так что заговорщический шепот малыша долетел до каждого.

Ао Лин мгновенно все понял. Действительно, Жун Чэньцзюнь еще не ступал на земли лисьего клана, а его уже утягивают в драконье логово. Обида старейшины Цзю была более чем оправданна.

— Знаете что, — предложил Ао Лин, — давайте лучше соберемся в Цинцю. Дядя Цзю только-только очнулся от глубокого сна, а мы даже не отпраздновали его возвращение за общим столом. Заодно позовем остальных, устроим пир.

Собрать вместе столько божественных зверей одного поколения — редчайшая удача. Обычно они засыпали на сотни, а то и тысячи лет, и предугадать, когда весь этот сонный ареопаг соизволит бодрствовать одновременно, не мог никто.

Услышав это, Цзю Цзинь заметно повеселел. Напряжение, сковавшее его плечи, бесследно растаяло.

— Хорошая мысль, — обронил он.

Заручившись его согласием, Ао Лин выудил из кармана смартфон и быстро набрал сообщение в семейном чате с приторным названием «Любящая семья».

[Великий дракон Ао: В двенадцать дня собираемся в Цинцю. Без опозданий.]

В ту же секунду телефон в кармане Жун Чэньцзюня требовательно завибрировал. Он достал аппарат и разблокировал экран.

Лента сообщений понеслась с бешеной скоростью — участники чата бурно приветствовали предложение. Жун Чэньцзюнь пробежал глазами несколько реплик и убрал телефон обратно. Со всей этой новообретенной родней он толком знаком не был, да и вставлять свои пять копеек в семейный треп не видел смысла. Он предпочел промолчать и, подражая отцовской невозмутимости, хранил величественное спокойствие.

Обитель лисиц лежала на юго-востоке. Цзю Цзинь, заметно воспрянув духом, шагал во главе процессии. Он едва заметно, но искренне улыбался.

Входом в скрытые чертоги служил исполинский валун, на обветренной поверхности которого высились два высеченных древних иероглифа: «Цинцю».

Цзю Цзинь взмахнул широким рукавом ханьфу. Воздух перед камнем задрожал, пошел зыбкой рябью и расступился, являя мерцающую водяную завесу барьера. Шагнув внутрь первым, лис полуобернулся и замер в нетерпении, ожидая сына.

Жун Чэньцзюнь бережно прижал к себе малыша И Даньдана и переступил невидимую границу. Следом за ними послушно нырнули Ао Лин и Ао Жуй.

Барьер за собой Цзю Цзинь закрывать не стал. В Цинцю он остался единственным чистокровным девятихвостым лисом, и эти земли давно пустовали. Когда-то здесь селились лисы послабее и попроще, но томительное затворничество сводило их с ума. Молодые духи то и дело пытались пробить брешь в защитной стене, чтобы вырваться во внешний мир.

Цзю Цзиню быстро надоела эта суета. Посчитав устремления сородичей несносной блажью, он просто выставил всех недовольных за порог: раз уж им так претит покой Цинцю, пускай живут в буйном и хаотичном Мире Гор и Морей.

С тех пор вход в долину оставался запечатанным для посторонних. Снять эту печать могли лишь равные ему по силе божественные звери, однако негласный кодекс чести обязывал их уважать чужие владения и не нарушать чужих границ без крайней нужды.

Нынешнее пробуждение стало исключением: Ао Лин бесцеремонно взломал защиту Цинцю, чтобы пробудить предка лисьего клана и сообщить ему о существовании прямого наследника.

Теперь же, распахнув ворота своего царства настежь, владыка Цинцю безмолвно провозглашал: отныне здесь рады каждому божественному зверю и любому монстру.

Цзю Цзинь неторопливо вел гостей вглубь своих владений, негромко рассказывая Жун Чэньцзюню об истории этих мест.

Цинцю поражал воображение. Если внешний Мир Гор и Морей дышал первозданной, суровой и дикой мощью, то здесь взору открывался живописный край, словно сошедший со старинных свитков.

Пейзаж дышал утонченной, благородной простотой. В этой палитре не было кричащих красок — сочные изумрудные луга гармонично сочетались с кронами вековых деревьев, навеяв чувство величественного одиночества и покоя. Каждая деталь казалась выверенной кистью невидимого мастера.

Пространство Цинцю казалось бесконечным. По площади эти уголья занимали добрую половину всего Мира Гор и Морей — территории, превосходящей по размерам два Юньши.

Поначалу Жун Чэньцзюнь восхитился тишиной, но спустя четверть часа поймал себя на мысли, что эта безмятежность граничит со склепом. Слишком безмолвно. Кроме редкого щебета птиц да отдаленного воя диких зверей в лесной глуши, здесь не было ни единой живой души. Величественная пустота навевала невольную грусть.

Жун Чэньцзюнь скользнул взглядом по профилю отца. Неужели тот провел тысячелетия в этом бездонном безмолвии? Как разумное существо способно не сойти с ума от столь абсолютного одиночества?

Сам Жун Чэньцзюнь, пожалуй, взвыл бы от скуки уже на третий день.

— Так это и есть Цинцю? Здесь так красиво! — подал голос И Даньдань.

Жун Чэньцзюнь ласково погладил малыша по макушке.

— Нравится, малыш?

Тот доверчиво прижался к его шее и пропищал:

— Очень! Только уж слишком тихо.

Жун Чэньцзюнь не успел раскрыть рта, как в разговор вмешался шедший впереди лис:

— Малышу Даньданю прихлились по душе наши края? Почему бы вам с Чэньцзюнем не погостить у меня подольше?

— Я буду там, где Жун-жун! — звонко отозвался кроха.

Жун Чэньцзюнь негромко рассмеялся.

— Хорошо. Как только разгребу дела на работе, мы обязательно приедем сюда на каникулы, идет?

— Ура! — воодушевился малыш. — Только нужно забрать мой кукольный домик!

— Зачем везти старый? Я куплю тебе здесь новый, еще лучше.

И Даньдань восхищенно округлил глаза. Он указал крошечным пальчиком на показавшийся впереди великолепный ансамбль в древнекитайском стиле.

— Хочу вот такой же домик! Смотри, какой он расписной!

Жун Чэньцзюнь покорно кивал на все капризы своего любимца. Традиционные павильоны и усадьбы Цинцю действительно завораживали. Огромный архитектурный комплекс, раскинувшийся по склонам двух пологих холмов, казался воплощением изящных фантазий древних зодчих — летящие крыши, резные колонны, галереи, утопающие в зелени.

Цзю Цзинь мысленно поблагодарил смышленного малыша. Этот кроха оказался настоящей находкой: стоило ему заикнуться о красоте Цинцю, как суровый и непреклонный Жун

Чэньцзюнь без лишних уговоров пообещал приехать погостить.

«Пожалуй, мне стоит подружиться с этим яичным духом, — смекнул старейшина. — Десять моих просьб не весят столько, сколько одно слово этого несмышленища».

И пускай в душе шевельнулась легкая ревность, лис сообразил, какой ключ подходит к сердцу его неприступного сына.

Спустившись к подножию холма, процессия пешком направилась к главному дворцу. Тишина по-прежнему висела над усадьбой — ни слуг, ни стражи, ни единого живого духа вокруг.

Ао Лин внезапно замер, осененный простой, но пугающей мыслью.

— Послушайте, дядя Цзю, — заговорил он. — Мы тут собрались устроить праздничный пир, но у вас же в поместье шаром покати. Кто готовить-то будет? Может, прикажете вернуть ваших младших сородичей? Или мне лучше прислать поваров из Долины Драконов?

Цзю Цзинь озадаченно моргнул. Действительно, в Цинцю ведь не осталось ни одной живой души...

Больше двадцати лет назад, погружаясь в очередной долгий сон, он пребывал в прескверном расположении духа и под горячую руку вышвырнул из поместья всех лисиц — от мала до велика. Теперь его резиденция напоминала заброшенный склеп, где некому было даже разжечь очаг.

— Пусть возвращаются, — велел он сухо.

Ао Лин споро набрал номер старейшины лисьего клана, занимавшего высокий пост в Генеральном управлении по делам монстров, и коротко изложил распоряжение.

Услышав приказ в трубке, несчастный семихвостый лис разрыдался от счастья прямо на рабочем месте.

Двадцать с лишним лет изгнания! Они уже отчаялись когда-либо заслужить прощение своего капризного владыки, полагая, что забыты навеки. Но стоило объявиться молодому господину — и грозный царь милостиво распахнул ворота Цинцю.

Утирая слезы умиления, тот немедленно развил бурную деятельность. Весть о помиловании разлетелась среди сородичей со скоростью молнии.

К тому моменту, когда в Цинцю стали прибывать первые гости из числа божественных зверей, усадьба уже вовсю гудела. Лисы слетались на зов отовсюду: те, кто обжился в человеческом

мегаполисе, бросали дела, спешно выбивали отгулы на работе и мчались к portalу Ассоциации монстров. Все безумно боялись, что грозный Цзю Цзинь передумает и вновь закроет границу.

Накрыть праздничный стол удалось лишь к часу дня. Впрочем, никто из собравшихся не выказал недовольства — бессмертным сущностям чужд голод, а еда для них служила лишь приятной забавой и данью мирским удовольствиям.

Обед организовали в формате непринужденного фуршета. Разбившись на небольшие группки, гости вели неспешные беседы, попивая вино и лакомясь деликатесами. Вопреки ожиданиям, Жун Чэньцзюнь не остался в стороне: древние хищники то и дело подходили к молодому лису, увлекая его в дружеские разговоры.

Жун Чэньцзюнь с удивлением обнаружил, что среди его новообретенных кузенов и кузин числится несколько популярных актеров и топ-моделей. При первой встрече у Генерального управления от обилия лиц у него просто зарябило в глазах, но теперь, присмотревшись, он узнал медийных персон, чьи имена гремели в шоу-бизнесе.

Когда они обменялись визитками и в шутливой форме представили друг другу свои «земные» амплуа, Жун Чэньцзюнь мысленно поаплодировал их таланту маскировки — в мире смертных эти монстры добились головокружительных высот.

Неудивительно, что к концу обеда в блокноте Жун Чэньцзюня появилось сразу несколько выгодных устных соглашений.

Текущий модный сезон был уже расписан, так что менять манекенщиков на ходу не имело смысла, но на будущие показы осенне-зимней коллекции Жун Чэньцзюнь заполучил первоклассных моделей. С актерами дело пошло еще проще: пара вежливых фраз — и они с радостью согласились стать амбассадорами его бренда «Чэньсин».

Представители группы «Жунгуан» тоже не остались в стороне: Ао Лин пообещал предоставить марке Жун Чэньцзюня лучшие торговые площади во всех люксовых торговых центрах страны. Оставалось лишь уладить бумажные формальности.

Как резонно заметил глава корпорации драконов:

— Своя рубашка ближе к телу. Зачем отдавать прибыль чужакам, когда можно поддержать семейное дело?

Однако главной победой этого дня стало знакомство с четой Сюанью и четой Байцзэ, устроенное благодаря протекции отца и дядюшки Ао Жуя. Именно от мудрого Байцзэ Жун Чэньцзюнь наконец узнал заветные сведения о демонической орхидее и солнечной ганодерме.

Байцзэ, о всеведении которого слагали легенды, давно числился в списке тех, кого Жун

Чэньцзюнь мечтал расспросить лично. Теперь, когда тяжелый груз неопределенности наконец упал с плеч, молодой лис почувствовал колоссальное облегчение. Ведь для него не было на свете ничего важнее здоровья и врожденного таланта маленького Даньдана.

Как поведал старейшина Байцзэ, в мире уцелело лишь три цветка демонической орхидеи. Два из них хранились в сокровищнице Пи Сю, а последний находился у человеческого мастера.

Древний ящер Пи Сю славился феноменальной жадностью и патологической тягой к накопительству — у него зимой снега не выпросишь, а уж редчайшие артефакты он и вовсе охранял как зеницу ока.

Вот уже пять веков жадный зверь почивал в своем уединении, и будить его никто не решался. По словам Байцзэ, Пи Сю укрепил защиту своего скрытого мира настолько тщательно, словно всерьез опасался, что родные братья и сестры оберут его до нитки, пока он видит сны.

С третьим цветком дело обстояло еще плачевнее. Смертный, владеющий реликвией, звался Линъян-цзы и являлся могущественным даосом на стадии Великого Достижения. В данный момент великий мастер пребывал в глубокой медитации в закрытой обители.

Но даже если завершит старик свое затворничество, Жун Чэньцзюнь вряд ли добился бы аудиенции. Линъян-цзы ни за что не расстался бы с сокровищем, ведь демоническая орхидея обладала уникальным свойством пробуждать скрытый потенциал любого монстра на все сто процентов.

Человеческие практики и племена монстров давно сохраняли хрупкий нейтралитет, однако за вежливыми улыбками крылось вековое соперничество. Ослабление конкурента сулило выгоду собственной стороне, а поскольку сейчас баланс сил и так склонялся в пользу монстров, люди костями бы легли, лишь бы не дать соперникам вырастить еще одного сильного воина. Им куда выгоднее видеть среди яо безвредных недотёп с посредственными талантами.

Жун Чэньцзюнь быстро понял: препираться с упертыми человеческими фанатиками —дохлый номер. Уж проще было рискнуть головой, вторгнуться во владения Пи Сю и растолкать вечно спящего скрягу, пускай даже тот в ярости попытается оторвать наглецу хвост.

С солнечной ганодермой ситуация выглядела не менее скверно. Запасы целебного гриба в мире еще оставались, но все они без исключения находились под строгим контролем человеческих сект.

Этот редчайший ингредиент ценился людьми на вес золота — на его основе варили драгоценные эликсиры, помогающие прорваться на стадию Трансформации духа. В эпоху упадка магии даосы вовремя спохватились и сумели сохранить несколько жизнеспособных спор увядающего растения.

Объединив древние заклинания с передовыми достижениями современной гидропоники, люди

сотворили чудо — им удалось вырастить целую плантацию ганодермы в секретных лабораториях. Вот только делиться результатами своих научных и магических трудов с чужаками человеческие старейшины не спешили, и Жун Чэньцзюнь прекрасно понимал: легкой прогулки за этим лекарством ждать не стоит.

<http://bllate.org/book/18224/1753328>